

Миф и социальная реальность

Автор: Э. А. ПАИН

Идеи Г. Сатарова, изложенные им в докладе "Мифы общественного мнения и мифы об общественном мнении" на заседании Фонда "Либеральная миссия" [Мифы...] и в предшествующей статье, в целом, мне понравились. Во всяком случае, у меня не вызывает сомнений справедливость выводов моего старого приятеля о том, что современные социологические представления о российском общественном мнении во многом ограничены и даже искажены. Опросы и их публикация в СМИ зачастую преумножают и усиливают эти мифы. Мои сомнения в основном связаны с оценкой эффективности предлагаемых для преодоления мифологизации массового сознания мер, среди которых, например, совершенствование методик социологических исследований. Мои полемические построения в основном опираются на примеры из исследований проблемы иммиграции. Эта проблема, которую анализирует Сатаров, по его словам, сказанным на заседании Фонда "Либеральная миссия", чрезвычайно раздута и в оценках социологов, и в прессе, а поэтому ее значение в общественном мнении преувеличено¹.

Миф как форма сознательной фальсификации действительности

Сатаров рассматривает только одну из многочисленных форм мифа - искаженное отражение в сознании реальности, возникшее как результат добросовестных заблуждений вследствие недостатка знаний или неточного знания. Такой тип мифологии действительно можно если не преодолеть полностью, то существенно скорректировать за счет улучшения качества научной информации, однако в современных условиях мы значительно чаще встречаемся с иными разновидностями мифа. Я начну свой анализ с тех из них, которые формируются вследствие откровенной фальсификации, дезинформации, подлогов, и возьму для примера все ту же проблему миграции, скажем, в связи с ее обсуждением после событий в Кондопоге (30 августа - 3 сентября 2006 г.).

Это было первое межэтническое столкновение, буквально воспетое в изданиях, которые нельзя отнести к числу откровенно националистических. Так, публицист В. Можегов посвятил восторженную оду тому, как "горячие карельские парни вздрогнули, встряхнулись, сомкнули ряды и сквозь жирные, склизкие слои собственной лени, кор-

¹ Подобную оценку проблемы иммиграции я не разделяю. Мне не раз приходилось писать о том, что эта проблема действительно серьезно искажена как в российском общественном мнении, так и в социологических исследованиях. Вместе с тем эти искажения связаны не столько с тем, что преувеличена актуальность миграционной проблематики, сколько с неадекватностью объяснения причин феномена миграции или с попытками подменить миграцией другие проблемы. Впрочем, это частное замечание, не самое существенное в оценке работы Сатарова.

П а и н Эмиль Абрамович - доктор политических наук, профессор Государственного университета - Высшей школы экономики, руководитель Центра по изучению ксенофобии и предотвращению экстремизма Института социологии РАН.

румпированного чиновничества и продажной ментовни протянули мозолистую рабочую руку и схватили шакала за горло" [Можегов]. Оставляю на совести этого автора его характеристики этнических групп, я привожу их только для того, чтобы показать один из приемов мифотворчества. С первых же строк этого текста становится понятным, кого певец погрома называет "шакалом", - это мигранты-чеченцы, которые, по мнению автора, "в силу своих национальных особенностей и хищной природы являются..." А вот кто такие "горячие карельские парни", кем восторгается автор, понять сложнее. Карелия потому и называется республикой, что в ней сохраняются еще карельские парни - представители коренной этнической общности, но их численность уменьшается, и они составляют менее 10% населения; в Кондопоге и того меньше, а среди участников этнического погрома их вообще не было. Только в середине опуса наступает прояснение: оказывается, "карельскими парнями" автор называет вовсе не карел, а русских парней, и думаю, что такой маскарад с переодеванием не столько поэтический, сколько политический прием - это подлог, без которого автору не обойтись.

Как иначе обосновывать "справедливость" гнева коренного народа против мигрантов, если русские в этом городе - такие же пришлые (большой частью прибывшие после 1960-х гг. в связи с расширением целлюлозно-бумажного комбината), как и чеченцы. Замечу, что чеченцы в России не могут быть названы иммигрантами, то есть выходцами из других государств. Тогда почему же именно после событий в Кондопоге, как прямой ответ на них, Государственная дума принимает решение об ужесточении миграционного законодательства в части борьбы с нелегальной иммиграцией? Один подлог рождает другой. Проблема иммиграции - во многих отношениях удобная ширма для большого числа российских политиков. Законодатели могут с ее помощью имитировать активность в сфере национальной политики, не опасаясь упреков со стороны коллег из российских республик, например Чеченской ("мы же не о вас говорим, а всего лишь об иммигрантах"). Для исполнительной власти проблема иммиграции - способ списать свои промахи в национальной политике на глобальные закономерности, так же как она списывает на них расползание вооруженного экстремизма на Северном Кавказе, объясняя их происками международного терроризма. Для откровенных ксенофобов эта проблема - удобный способ открыто выражать свои расистские взгляды, прикрываясь вполне легитимной целью - борьбой с нелегальной иммиграцией. И можно ли за счет улучшения качества опросов и других социологических исследований остановить или хотя бы ограничить процесс формирования мифов как откровенной дезинформации?

Мифы как высшая правда

Еще один тип мифа слабо поддается трансформации под воздействием улучшения социологической информации. Речь идет о том из них, о котором говорил выдающийся знаток античности А. Лосев: миф как высшая, самая конкретная и эмоционально окрашенная правда для мифологизированного сознания [Лосев, 1996].

Мы переживаем процесс распада империи и одновременно попытку ее реставрации. В этих условиях неизбежно нарастает процесс мифологизации сознания и традиционализации общественной жизни, усиливается противостояние образов "Мы" - "Они", характерное для традиционалистского, мифологизированного сознания. Бурный рост этнического самосознания сопровождает данный процесс. При этом первыми, еще в начале 1990-х гг. пришли в возбуждение этнические меньшинства, а в конце 1990-х гг. обострилось и воспалилось самосознание этнического большинства.

Рост этнического самосознания русских хотя наступил позже, чем у других этнических сообществ России, но развивается быстрее. Ныне этническое большинство демонстрирует больший уровень этнической тревожности, чем меньшинства. С начала 2000-х гг. среди русских доля людей, ощущающих ту или иную угрозу со стороны представителей других народов, живущих в России, почти в два раза выше, чем у представителей других этнических групп [Паин, 2004, с. 190, 191]. Это поразительно, поскольку этническое большинство, как правило, проявляет меньшую этническую озабоченность,

чем меньшинства, что доказано многочисленными исследованиями, проведенными в разных странах мира, да и в Советском Союзе [Русские... 1992, с. 418].

Переменами в массовом сознании россиян во многом объясняется нынешний взрыв межэтнической напряженности в России. В периоды бурного роста этнического самосознания этнически окрашивается весь комплекс повседневных проблем человека: социальная поляризация, преступность, нереализованная гражданская активность, и др. Для возбужденного массового сознания иммигранты выступают лишь в качестве одного из объектов этнической нетерпимости (зачастую мнимого или вымышленного), как эвфемизм, как одна из ипостасей образа "чужого". В этой связи мне представляется весьма сомнительной просматриваемая у Сатарова тенденция к занижению остроты проблемы, поскольку для мифологизированного и этнически возбужденного сознания проблема миграции приобретает значение важнейшей "приправы" (как соль или перец) для большинства первостепенных аспектов социальной жизни. Так, если в качестве самой животрепещущей называется жилищная проблема, спросите у националиста, почему у нас дефицит жилья, и он вам ответит: "Потому что "чужие" скупают". Та же логика в отношении преступности, коррупции и т.д. Способно ли повышение качества опроса общественного мнения серьезно остудить сильно возбужденное мифологическое сознание? Маловероятно.

О роли элиты

Сатаров в своем докладе на заседании Фонда "Либеральная миссия" [Мифы...] отмечал, что "общественное мнение формирует пять процентов граждан с высоким социальным интеллектом". На мой взгляд, такой вывод нуждается, по крайней мере, в уточнениях. В так называемую "информационную эпоху" роль лидеров общественного мнения действительно возрастает и кому-то даже начинает казаться, что с помощью СМИ группа "героев" может быстро перепрограммировать массовое сознание. Однако жизнь показывает, что у информационного манипулирования есть свои пределы. Вот, например, тема Чечни звучит во всех посланиях президента В. Путина, но несмотря на то, что и сам президент остается чрезвычайно популярным, и телевизионная картинка стабилизации жизни в этой республике становится все ярче и красочнее, результат этой инженерии противоположен ожидаемому: опросы показывают, что, начиная с 2002 г., доля россиян, верящих в улучшение ситуации в регионе, неуклонно падает. В Советском Союзе, где выбор источников информации был еще уже, чем сейчас, идеи вождя необязательно утверждались в массовом сознании. Народ предпочитал слушать запрещенного В. Высоцкого, а не доклады генерального секретаря.

Однако есть в нашей недавней истории примеры чрезвычайно эффективного воздействия информационного конструирования на массовое сознание. Так, за короткий промежуток времени (1990 - 1991 гг.) доля людей, поддерживающих идею "социализм завел нас в тупик", выросла в 8 раз и охватила к концу указанного периода две трети населения [Гудков, 2002, с. 129, 130]. Это произошло после десятилетий советского "промывания мозгов", после тотального воздействия пропагандистской машины, навязывавшей россиянам "социалистический выбор". Таким же взрывным был рост личной популярности Путина. Еще в начале 1999 г. он был практически неизвестен в стране, а уже в 2000 г. обладал самым высоким политическим рейтингом. Оба этих примера показывают, что информационное перепрограммирование массового сознания возможно лишь в тех случаях, когда оно соответствует неким ожиданиям народа. В связи с этим возникает вопрос: у каких 5% лидеров больше шансов добиться успеха сегодня - у тех, кто ориентируется на слом сложившихся мифов, или у тех, кто "гладит мифы по шерстке", то есть разжигает остроту их восприятия в массовом сознании? Я думаю, ответ будет однозначным: у националистов, опирающихся на этнические мифы и фобии населения, сегодня шансов больше, чем у тех, кто хочет подобные мифы опровергнуть.

Скажем, СПС ставит задачу через 20 лет прийти к власти. И националисты ставят себе такую же задачу, возможно, рассчитывая на успех даже в более короткий срок. Про-

грамма СПС основана на рациональном анализе и прогнозе возможных перемен: за 20 лет возрастет доля среднего класса, упадут цены на нефть, власть себя дискредитирует в конкретном управлении при решении актуальных проблем (жилья, борьбы с коррупцией, преступностью, и т.п.). Националисты же в своих программах, скорее всего, будут обыгрывать те же проблемы, но окрасят их в совершенно иные тона, соответствующие спросу возбужденного, мифологического сознания. И я думаю, что такая программа, основанная на мифологизированном изображении действительности, будет куда более эффективной.

Сегодня на самом деле время, неподходящее для развития либеральной мысли, именно поэтому либерально настроенная часть общества так хочет перемен. Большая часть российского общества действительно не разделяет либеральных идей, и это не является следствием неправильных социологических замеров. Время и вправду не для либералов. Другое дело, что либеральным силам не стоит отчаиваться, у них, на мой взгляд, есть основания для исторического оптимизма, есть возможность постепенно, без революций изменить характер общественных отношений, а затем и базовые ценности массового сознания. При этом психологический перелом может быть эффективным лишь в том случае, если либеральные инновации смогут опереться на некие сложившиеся стереотипы сознания. **Отталкиваясь от привычного, можно двигаться к новому.**

Я много лет изучал опыт США, где переломили расистские мифы в массовом сознании. Разумеется, не полностью, но добились гигантских перемен за короткое время. Это произошло не только потому, что американские власти и элита проявили железную волю. Перелом в массовом сознании был достигнут прежде всего за счет возможности всех сил, боровшихся с расизмом, опереться на целую систему укоренившихся стереотипов массового сознания. Хочу подчеркнуть, речь идет не о мифах, а именно о стереотипах сознания. Представления о том, что цель оправдывает средства и ради благой цели нужно заменять одни мифы - "плохие", на другие - "хорошие", я решительно не поддерживаю. Все же, при всем многообразии форм мифа, все они сохраняют свою родовую сущность, а именно - искаженное, неадекватное отражение реальности, то есть это ложное сознание. Стереотипы же характеризуются лишь привычностью многократно повторяемых оценок и представлений.

Суждение о том, что за зимой неизбежно наступает весна, вполне стереотипно, но его не отнесешь к разряду мифов. Вот и в США борцы с расизмом опирались не на мифы, а на стереотипные представления большинства граждан о ценности свободного общества, равноправия, ценности американской конституции и прежде всего ее идеи: "Мы, народ - источник власти". В нашей конституции заложена такая же норма, но расскажите это на улице - прохожие засмеются: "Какая мы власть, что от нас зависит?". Однако и в традиционной культуре народов России можно найти стереотипы, способные стать трамплином для дальнейших перемен в массовом сознании в целях освобождения людей от их рабской зависимости от авторитарных мифов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гудков Л. Русский неотрадиционализм и сопротивление переменам // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. М., 2002.

Лосев А. Ф. Мифология греков и римлян. М., 1996.

Мифы общественного сознания и мифы об общественном сознании // <http://www.liber-al.ru/sitan.asp?Rel-181>.

Можегов В. Гром грянул (<http://www.apn.ru/publications/article10329.htm>).

Паин Э. Этнополитический маятник. Динамика и механизмы этнополитических процессов в постсоветской России. М., 2004.

Русские. Этносоциологические очерки. М., 1992.